

М. Л. Бедрикова

**ББК Ш5(2=Р)
УДК 821.161.1**

М. Л. Бедрикова¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
mlbedrikova@gmail.com*

**СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОСТРАНСТВА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
К. ПЕТРОВА-ВОДКИНА
(«ХЛЫНОВСК», «ПРОСТРАНСТВО ЭВКЛИДА»)**

Статья посвящена актуальной проблеме литературоведения рубежа XX–XXI вв. – исследованию поэтики пространства в художественном произведении. Объект анализа – русская автобиографическая проза первой трети XX в. В качестве материала для анализа хронотопа избраны автобиографические повести знаменитого российского художника К. Петрова-Водкина (1978–1939) «Хлыновск» и «Пространство Эвклида», написанные в начале 1930-х гг. Воссоздание пространственности позволяет писателю изобразить и осмыслить мир в его цельности. Эта особенность поэтики определяет национальную идентичность художника, его принадлежность русской культуре. Как и для авторов произведений русской классической литературы, запечатлевших пейзажи провинциальных городов, для К. Петрова-Водкина источником для создания пространственных образов является русский фольклор в многообразии его жанров (сказки, легенды, предания об образовании городов). Особую поэтичность портрету родного для К. Петрова-Водкина Хлыновска придают топонимы, детали словесного пейзажа «реконструируемой» живописцем панорамы просторов Волги. Во второй части автобиографической дилогии «Пространство Эвклида» пространственность мышления автора воплощается через изображение множества различных пространств. К. Петров-Водкин обогащает петербургский текст русской литературы самобытными пространственными образами. Автор статьи выдвигает гипотезу: о влиянии в автобиографической прозе К. Петрова-Водкина на систему образов идеи писателя о «власти факта» над человеком; переживание

---

¹ Бедрикова Майя Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия

событий личной жизни в сознании автобиографического героя-повествователя определяется его пространственным мышлением, а не образами времени. Автор статьи опирается на концепцию пространственности русской культуры музыковеда Л. Серебряковой. Методология статьи: автор использует биографический, историко-литературный и типологический методы.

Ключевые слова: К. Петров-Водкин, автобиографическая повесть, русская литература XX века, пространство, живопись

Введение. На рубеже XX–XXI вв. отечественное литературоведение исследует дневники, мемуары, записки, автобиографическую прозу русских писателей (а также живописцев, композиторов и др.) как часть богатейшего культурного наследия России XX в. [2, 87–91]. Полагаем, внимание к автобиографическим произведениям, активизировавшееся в настоящее время, связано с направленностью интересов авторов работ по различной научной проблематике – от широкой (антропологические проблемы, жанрово-стилевой анализ, проблемы национальной идентичности, «личность и история») до узкой, специальной (семиотика повседневности и т. п.). Актуальность данного исследования определяется возросшим интересом читателей, профессиональных критиков, литературоведов к жанровым формам автобиографических произведений, публикуемых значительными тиражами, авторов (известных и малоизвестных), представляющих русскую, советскую культуру. Целью данной работы является изучение специфики художественного пространства в автобиографической прозе выдающегося русского художника Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина.

1. Характеристика исследования. Знаменитый русский художник К. Петров-Водкин (1978–1939) на рубеже XIX–XX вв. обратился к литературному творчеству, позже создал две автобиографические повести – «Хлыновск» (1930) и «Пространство Эвклида» (1932). В 2018 году общественность отметила 140-летие со дня рождения мастера, художника-экспериментатора. Тем интересней исследовать прозаические художественные произведения, в которых К. Петров-Водкин повествует о себе и своем пути в искусстве. Период, который охватывает повествование – с 1878 г. и до 1910 г. приблизительно (повествование в «Пространстве Эвклида» доведено до эпизода с извержением Везувия во время итальянского путешествия в феврале одного года, не датированного автором). Задачи анализа – это выявление функций художественного

пространства в образной системе дилогии повестей «Хлыновск» и «Пространство Эвклида».

1.1. Гипотеза. В статье выдвигается гипотеза: 1) в автобиографической прозе писатель К. Петров-Водкин подвергает рефлексии события прошлого (от рождения до зрелости), опираясь на собственную концепцию «власти фактов» [4, 572]; 2) восприятие событий личной жизни осуществляется и переживается живописцем, писателем не столько через категорию «времени», сколько «пространства», что объяснимо, с точки зрения профессиональной принадлежности пишущего (живописец работает с пространством, предметным миром). В доказательстве нуждается не «точка зрения» профессионала, а собственно философская идея «пространственности», понижающая все автобиографическое повествование. Необходимость изучения художественного пространства в образном мире повестей «Хлыновск» и «Пространство Эвклида» обусловлена преобладанием в хронотопе над временной составляющей пространственности, ощущаемой и переживаемой автобиографическим героем К. Петрова-Водкина.

1.2. Методология исследования. Для изучения автобиографического материала использован биографический метод в комплексе с историко-литературным, типологическим. Теоретической базой являются работы М. М. Бахтина [1], а также новейшие монографии по актуальным проблемам литературоведения, искусствоведения, основанные на семиотическом подходе: Л. А. Серебряковой, исследующей «пространство видимых символов и пространство духовности как невидимой порождающей основы» [5, 2]. Интерес для исследователя художественного пространства представляет труд по проблемам типологии сюжетов В. В. Гудковой [3, 385–397].

1.3. Природа автобиографизма прозы К. С. Петрова-Водкина. Сама природа автобиографизма побуждает писателя сосредоточиться на судьбе личности в ее взаимодействии со временем, исторической эпохой. Существует прямая связь между личностью и категорией времени: «За категорией времени тянутся другие проблемы – история и ее осмысление, историческая и родовая память, соотношение мира живых и мира мертвых (это имеет прямое отношение к вопросу о движении времени) <...>» [3, 414]. Анализируя советские сюжеты 1920-начала 1930-х гг., В. В. Гудкова резюмирует: «Течение жизни остановлено, она не меняется, а пребывает. В советской стране всегда светит солнце, всегда бьют кремлевские куранты. Истории больше нет» [3, 415]. Изображение времени в подобном духе характерно

для официальной советской литературы. Движение времени в созданной в начале 1930-х гг. дилогии К. Петрова-Водкина если не «остановлено», то течет неслышно в «замкнутом» пространстве патриархального городка Хлыновска. Лишь в повести «Пространстве Эвклида» течение времени ощутимо ускоряется: в результате интенсивно исторических перемен – в России и на Западе. Однако мотивы «заторможенности» времени у К. Петрова-Водкина все же иные, нежели в произведениях социалистического реализма периода расцвета сталинского государства. Читателю приходится потрудиться, чтобы обнаружить в тексте указание на время описываемых событий. Кажется, что, завершив очередной рассказ, писатель словно спохватывается – необходимо вставить дату, ведь он пишет автобиографическое произведение. Так, в «Хлыновске» на протяжении первых шести глав («По линии матери», «По линии отца», «Линии сходятся», «Линии сошлись», «Зерно, ушедшее с полей», «Начало семьи») описывается предшествующая рождению Кузяши (Кузьмы Петрова-Водкина) жизнь двух семейств (будущих родителей – окружении родни) – со слов старших родственников. Провинцию нельзя назвать «глухой», так как предки К. Петрова-Водкина, по одной линии, пришли из Тульской губернии на берега Волги. И только в финале (!) седьмой главы «Рождение» писатель записывает дату рождения: «Было двадцать пятое октября, тысяча восемьсот семьдесят восьмой год» [4, 81]. Выступая в роли летописца истории (эпический пафос подчеркивает краткая стилизованная «старинная» запись), выстраивая генеалогию (сын «сапожника и прислуги» [4, 3], автор вписывает историю своего героя в историю рода, интуитивно сохраненную в памяти. Тем не менее, полагаем, категория «времени», для К. Петрова-Водкина не так значима (но она традиционно значима в мемуарах), – художник старался запечатлеть, разметить в обживаемом им пространстве «знаки» маленьких и больших открытий мира, совершаемых едва брезжащим сознанием новорожденного, затем растущего ребенка, подростка.

1.4. Анализ специфики изображения художественного пространства в автобиографической прозе К. Петрова-Водкина.

Для анализа пространства необходимо понимание природы образности в прозе К. Петрова-Водкина. «Ключ» к нему может дать глава двадцатая «Опасности» из «Пространства Эвклида». Автобиографический герой размышляет о роли «факта» в жизни человека и в искусстве: «Статуя Лаокоона представляет собой типичное явление неподготовленности к факту: выбитый из колеи самозащиты человек *фатально* отдается на волю фактов – змей, и инициатива остается за ними. И в этом

антихудожественность, то есть неправдивость этого произведения и его неактивность <...> самое событие приобретает пустой смысл физиологического протокола» [4, 573]. Не углубляясь в специальную область (историю живописи), отметим рациональное зерно. К. Петров–Водкин, признавая власть «факта», его «железных законов» над человеком, приходит к выводу: «...он <человек – М. Б.> одинаково участвует в событии, как и событие в нем» [4, 573]. В своем прошлом писатель стремится рассмотреть «сигналы», смысл которых уже открылся ему в сегодняшнем бытии. В «Хлыновске» он воссоздает картину народной жизни. Это самобытный мир, который существует благодаря «сердцевине» – реке-матушке Волге. Городское пространство Хлыновска разомкнуто в речной простор: «Хлыновск расположен на скате плоскогорья, спускающегося к Волге, и окружен амфитеатром меловых и песчаных гор, густо заросших строевой и мачтовой сосной <...>» [4, 19]. История Хлыновска типична для старинных поволжских городов. К. Петрова-Водкин в главе второй «По линии отца» идеализирует городок: его автобиографический герой-повествователь расцветивает предметы крестьянского, городского быта, образы родной природы. Пространство, обживаемое маленьким Кузьмой, предстает в форме развернутой метафоры – «сказочной страны». Похожие образы есть в русской классической литературе (Калинов в драме «Гроза» А. Островского). Источником метафоры «сказочная страна» является русский фольклор: сказки, легенды, предания об образовании городов. Особую поэтичность и прелесть придают портрету Хлыновска топонимы, детали пейзажа «реконструируемой» величественной панорамы: «На севере выдвинулся в Волгу Федоровский бугор, от него по окружности к югу: Таши – оголенная меловая глыба... Дальше – Богданиха <...>, еще южнее Четырнадцать Братцев – гор и за ними Черемшаны <...>» [4, 20]. Детализация подчеркивает традиционную топику. В сцене-панораме есть эмоциональная кульминационная точка – живописание пейзажей яблоневых садов. Гордость хлыновцев – яблоки знаменитых сортов «анис», «черное дерево», «скрут». Образ «сада», «эдема», яблоневого «рая», что «вокруг города», повествователь подчеркивает, когда приводит мнение европейцев о Хлыновске как «земном рае» и сопоставляет с точкой зрения жителей: «Если бы это у нас <...> – что бы мы с этим раем сделали! – говорили мне друзья-иностранцы. <...> – Эх, не жизнь, а каторга... Кабы дорогу чугунную провели, – вот то пошло бы золото, – говорили обитатели» [4, 20]. Традиционные картины земных человеческих трудов, жизнь по календарю земледельца. Важнейшим событием первых глав является свадьба,

венчающая «замкнутое», циклическое время сельского календаря (глава «Линии сошлись»). Обряд воспроизводится по рассказу матери Кузьмы – Анены (Аненки): смотрины, слезы невесты, ее смирение перед судьбой: «Вот так и помирилась я с судьбой моей. Любят весну за красоту, а лето – за богатство» [4, 50]. Счастье в том, что «сошедшиеся линии» двух родов привели к счастливому браку и рождению нового человека.

В главе седьмой «Рождение» топика локализована, сужена до пространства избы. Мастерят колыбель, укрывающую от бурь малютку, расписанную «одним «небесным колером <...> во всех нюансах. – Цветики небесные, которыми земля держится и не колеблется» [4, 75]. Любопытная деталь: мастер – «несомненный художник народных толщ», для чертежа колыбели использовал синий и красный цветные карандаши. Красный и синий доминируют в дальнейшем среди других цветов на знаменитых картинах К. Петрова-Водкина. Появление на свет – непрерывное адаптирование новорожденного к пространству: «борьба восприятий озадачивает крошечное земное существо: оно протягивает руку <...> оно не знает еще фокуса для определения расстояния» [4, 95]. «Это было четырехмерное распространение себя в мире. Еще не начали собираться тверди <...>, за которые он будет хвататься щупальцами чувств, затвердевать сам и вводить себя в рамки трехмерия Эвклида <...>» [4, 81]. В детстве сформировался сильный характер героя. «Сказочный» мир Хлыновска уходит в сознании Кузяши в детские «сны» под влиянием «железных законов» реальности («власть факта»). Отца забирают в солдаты, и близким приходится следовать за кормильцем на место дислокации Новочеркасского полка. Пространство резко изменяется. Пространство в десятой главе «Охта – пустая улица» контрастирует с протранственностью хлыновских пейзажей. Вместо слов «родина», «родной город» появляется «местожительство». В. Гудкова отмечает разницу между топосом «дом» и «жилплощадь»: «...интимность превращается в пространство общее, распаханное и не защищенное от внешнего воздействия» [3, 386]. Охта ассоциативно связана в повествовании с «пустотой», «пустынностью». Автобиографический герой-повествователь категорично определяет географию Охты: «это там, где-то». В главе «Казармы» место действия переносится в казармы полка в Санкт-Петербурге. Писатель следует традиции «петербургского текста», когда сопоставляет два уровня восприятия – исторического пространства величественного Петербурга, впервые увиденного Кузяшей (начало 1880-х гг.), и личного пространства семьи. Пришедшаяся на время жизни в казарме тяжелая болезнь,

чуть не стоившая Кузьме жизни (ему было около пяти лет), обострила его восприятие. На всю жизнь запомнился пейзаж: «Неистовствовал Медный всадник <...> вдувал, казалось, <...> медными легкими в мертвые каналы, башни и шпицы свою пьяную энергию ...Медленно, скрипя ржавыми колесами, поворачивался Санкт-Петербург на русское – слишком русское...» [4, 120]. Л. А. Серебрякова подчеркивает зависимость между пейзажем и пространством в русском искусстве и онтологической проблематикой смысла жизни и национального бытия: «... Развертывание пространства макромира, важное само по себе, одновременно выступает и средством изображения, служит выражению картины души народа, формируемой филогенетически в этих необозримых просторах <...>» [5, 208]. Урбанистические описания Петербурга контрастируют с описаниями «светлых изб» Хлыновска, которые К. Петров-Водкин назвал «бытовым романтизмом» [4, 85]. Ребенок из русского мира выходит в мир Запада. Пространство Петербурга для К. Петрова-Водкина – своеобразный «переход» к освоению новых пространств. В «Пространстве Эвклида» упоминается сильное влияние пушкинского «Медного всадника» на «ритмическое» начало в его творчестве: «Поэт сделал его <силуэт конной статуи – М. Б.> флюгером Петрополя, Петрограда, Петербурга» [4, 107]. Петров-Водкин читает «знаки» изменений пространства города: «Есть захватывающие предгибельные моменты в жизни Петербурга, когда сама природа поведет атаку на его твердыни <...>» [6, 347]. Повествователь завершает шестую главу размышлением о неподготовленности «маленьких людей» к столкновению с фатальностью

Заключение. Анализ автобиографических повестей К. Петрова-Водкина «Хлыновск» и «Пространство Эвклида» выявил преобладание пространственности над временной составляющей в хронотопе его художественной прозы. 1) Автобиографический герой-повествователь поверяет прошлое оригинальной идеей «власти фактов» над человеком [4, 572]. 2) Переживаемые автобиографическим героем-повествователем события личной жизни воплощаются не в образах «времени», а в самобытных образах пространства. 3) Философская идея «пространственности», пронизывающая все автобиографическое повествование, художественно осмыслена в автобиографической прозе К. Петрова-Водкина в изображении пространственных образов народной жизни и постигается как основа духовности и цельности русского мира.

Литература

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Бедрикова, М. Л. Русская литература и музыка на рубеже XX–XXI вв.: к вопросу о национальной идентичности / М. Л. Бедрикова // Libri Magistri. – 2018. – Вып. 5. Аксиологический диалог культур. – С. 87–91.
3. Гудкова, В. В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920–начала 1930-х годов / В. В. Гудкова. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 456 с.
4. Петров-Водкин, К. С. Две повести: Хлыновск; Пространство Эвклида / Кузьма Петров-Водкин. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. – 632 с.
5. Серебрякова, Любовь. В поисках обретаемого смысла. Русская музыка в движении времени / Любовь Серебрякова. – М.: Аграф, 2017. – 560 с.

REFERENCES

1. Bahtin, M. M. Voprosy literatury i ehstetiki / M. M. Bahtin. – Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1975. – 504 s.
2. Bedrikova, M. L. Russkaya literatura i muzyka na rubezhe XX–XXI vv.: k voprosu o nacional'noj identichnosti [Russian Literature and Music at the Turn of XX–XXI Centuries: National Identity] / M. L. Bedrikova // Libri Magistri. Vypusk 5. Aksiologicheskij dialog kul'tur [Libri Magistri. Issue 5. Axiological dialogue of cultures]. – 2018. – S. 87–91.
3. Gudkova, V. V. Rozhdenie sovetskih syuzhetov: tipologiya otechestvennoj dramy 1920–nachala 1930-h godov / V. V. Gudkova. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – 456 s.
4. Petrov-Vodkin, K. S. Dve povesti: Hlynovsk; Prostranstvo Evklida / Kuz'ma Petrov-Vodkin. – Moscow: Knizhnyj Klub Knigovek, 2016. – 632 s.
5. Serebryakova, Lyubov'. V poiskah obretaemogo smysla. Russkaya muzyka v dvizhenii vremeni / Lyubov' Serebryakova. – Moscow: Agraf, 2017. – 560 s.

K. PETROV-VODKIN'S AUTOBIOGRAPHIC PROSE

(«HLYNOVSK», «EUCLID`S SPACE»):

SPECIFICS OF REPRESENTATION OF THE ART SPACE

M. L. Bedrikova

Assistant Professor, Candidate of of Sciences (Philology), Department of Linguistics and Study of Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to the actual problem of literary criticism of the turn of the XX – XXI centuries – the study of poetics space in a work of art. The object of analysis of this article is Russian autobiographical prose of the first third of the twentieth century. Autobiographical novels by famous Russian artist K. Petrov-Vodkin (1978–1939) «Hlynovsk» and «Euclid's Space» created in the early 1930s were chosen as the material for analysis in chronotope aspect. Recreation of spatiality allows the writer to depict and comprehend the world as a whole. This feature of poetics determines the national identity of the artist, his belonging to Russian culture. The source of spatial images for K. Petrov-Vodkin is Russian folklore in diversity of its genres (fairy tales, legends, stories about the formation of cities) as for authors of works of Russian classical literature depicting landscapes of provincial cities. Toponyms, details of verbal landscape of Volga panorama «reconstructed» by the painter give particular poetry to Hlynovsk's portrait. Author's spatiality of thinking is embodied in many different spaces in the second part of autobiographical dilogy «Euclid's Space». The Petersburg's text of Russian literature is enriched with distinctive spatial images by K. Petrov-Vodkin. The author of this article puts forward a hypothesis about the influence on the system of images of autobiographical prose of his idea of the «power of fact» over a man – the experience of personal life events in mind of autobiographical character-narrator is determined by his spatial thinking and is not by images of time. The author of this article relies on the concept of spatiality of Russian culture by musicologist L. Serebryakova. Biographical, historical, literary and typological methods are used in this article.

Keywords: K. Petrov-Vodkin, autobiographical novel, Russian literature of twentieth century, art space, painting

Поступила в редакцию 01.02.2019